

Никита Брагин

г. Москва

Пляжные размышления джинна

Провалявшись на пляже
среди брюхоногих существ,
понимаю, что мне не хватает обзора.
Вот бы влезть на высокий,
надёжный и прочный насест
и смотреть широко на залив и на горы!

Если жарко и тесно,
то хочется снежных вершин,
крепкой плечи Атланта и плеч Гулливера, –
алым дымом взлечу, и прощай,
Сулейманов кувшин,
принимай мой полёт, атмосфера!

И, по древнему слову,
песчинкой предстанет Земля,
засвербит в уголке воспалённого глаза,
и слеза океана зальёт города и поля,
и вскипят облака ядовитого газа...

Мне такого не надо!
Я лучше спокойно взгляну
сквозь стеклянную линзу на крошку в ладони,
и увижу судьбу, и внезапно пойму глубину,
где застыла Вселенная в тихом поклоне.

Там летят по орбитам лазурные искорки звёзд
в нерушимых чертогах алмаза и кварца,

там единой гармонией дышат цветок и погост
и не плачут во сне ни младенцы, ни старцы.

За решёткой кристалла
найти бесконечный покой
и уснуть? Но зачем? Я и так засыпаю...
Между Солнцем и атомом
тает беззвучной строкой,
догорает над морем заря золотая.

Дуновение бриза уснувшие глади рябит,
а эстрадные ритмы скользят мимо слуха.
Не имеют значенья размеры светил и орбит
в поле зрения Духа.

Стоит закрыть глаза, и очутишься в другом,
тёмном пространстве без верха и низа,
где, хоть лежи колодой, хоть мчись бегом,
всё остаётся под пологом грязно-сизым.
Разве что в сторону солнца твоё лицо
вдруг обернётся, и ярко-багровые пятна
будут под веками течь кровавым свинцом
прямо в расщелины мозга и обратно.

Стоит глаза открыть, и простор миров
переполняет зрение, словно сети
тех рыбарей галилейских, чей улов
помним и мы спустя два десятка столетий,
и, отводя от солнца смущённый взгляд,
всё отчётливей видишь сумрак еловой хвои,
дымно-серые абрисы горных громад,
синего моря мерцанье, вечно живое.

Ты не закроешь очи, милостивый Творец?
Ты не забудешь о мире,
скрываясь в пещере Духа?
Жребий в омут беспамятства
падает как свинец,

там слепота души и сознание глухо.
Пусть говорят, что время врачует боль,
что забываем злое, о лучшем помня, –
пусть говорят, но мне дорога юдоль
этой сансары, солнцем до края полной.

И потому я остаюсь на берегу,
и провожаю твою золотую славу,
и потому своё, неизбывное, берегу,
словно камень, выпавший из оправы.